

К.В. Карпов

СТАТУС ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ГРИГОРИЯ ИЗ РИМИНИ

1. Григорий из Римини — один из самых интересных и влиятельных авторов XIV столетия. Биографические данные о нем крайне скудны: имеются только некоторые данные о важнейших событиях его академической карьеры, а вот об отрочестве и юности Григория практически ничего не известно. Время его рождения приходится на пору расцвета творчества Дунса Скота — около 1300 г., в городе Римини (совр. обл. Эмилия-Романья). В юном возрасте он вступил в католический Орден братьев-отшельников св. Августина¹. В монастыре родного города он получил базовое образование, необходимое для поступления в университет. Одним из главных источников биографии Григория из Римини является послание папы римского Климента VI канцлеру Парижского университета от 12 января 1345 г.², являющееся своего рода аналогом современного рекомендательного письма. Согласно этому папскому письму, Григорий из Римини изучал теологию в Парижском университете в 1323–1329 гг. Затем, около 1338 г., он начал преподавать в *studium generale* своего ордена в Болонье. До своего возвращения в Париж в 1342 г., на этот раз уже в качестве лектора, Григорий из Римини преподавал также в Падуе и Перудже. Скорее всего, именно во время преподавания в северной и центральной частях современной Италии Григорий из Римини познакомился с работами оксфордских философов первой трети XIV сто-

---

¹ Орден августинцев-еремитов (отшельников), *Ordo Fratrum Eremitarum Sancti Augustini*, *OESA*, был учрежден в 1256 г. буллой папы Александра IV *Licet Ecclesiae*. С 1969 г. — Орден братьев св. Августина, *Ordo Fratrum Sancti Augustini*, *OSA*. Орден объединил несколько монашеских конгрегаций, живших по уставу св. Августина. Августинцы-еремиты занимались главным образом пастырской и миссионерской деятельностью. В 1303 г. папа Бонифаций VIII причислил августинцев-еремитов к нищенствующим орденам. Подробнее об истории Ордена братьев-отшельников св. Августина см. [Усков, 2000].

² Marcolino, 1981. S. XI.

летия Уильяма Оккама, Адама Вудхема, Ричарда Фитцральфа и Уолтера Чаттона³.

В 1342 г. Григорий из Римини прибыл в Париж для подготовки к лекциям по «Сентенциям» Петра Ломбардского (*annus expectationis*)⁴, которые были прочитаны им в 1343/44 академическом году. В 1345 г. он получает степень магистра теологии и остается в Париже до лета 1346 г. В конце 1346 г. Григорий возвращается в Римини, а осенью 1347 г. мы находим его уже в *studium generale* своего ордена в Падуе.

В 1351 г. на генеральном капитуле в Базеле Григорий из Римини был выбран главным лектором нового *studium generale* в Римини. Этот пост он занимал до 1357 г., когда на генеральном капитуле в Монпелье он был избран генералом ордена августинцев-еремитов в качестве преемника Фомы Страсбургского (ум. 1357 г.).

На своем последнем посту Григорий из Римини проявил себя строгим хранителем орденового монашеского идеала, направив свои основные усилия на соблюдение обета бедности⁵. Однако его пребывание в должности генерала ордена было весьма непродолжительным: в конце ноября 1358 г. он скончался во время своего визита в Вену.

Большим авторитетом и продолжительной славой, которыми обладал Григорий из Римини в позднее Средневековье и раннее Новое время, он обязан именно своему «Комментарияу на первые две книги „Сентенций“» — все похвальные отзывы в различных средневековых биографиях Григория относятся именно к этой, несомненно главной, работе. Иордан Саксонский (Iordanus de Saxonia, OESA) пишет: «Григорий из Римини, муж обширнейших знаний и святой жизни, пользовался большим уважением у всего университета благодаря своему известному труду. Он написал [комментарий] на первую и вторую книги

³ Григорий из Римини был одним из первых философов, начавших использовать сочинения оксфордских магистров при чтении своих лекций в Париже. Так, после Дунса Скота Григорий чаще всего цитирует Петра Ауреоли и Оккама (ок. 200 раз), Вудхема (66), Фитцральфа (34). Подробнее см. [Schabel, 2002. P. 261].

⁴ Известный американский историк философии Уильям Кортней полагает, что целью первого посещения Парижа Григорием было обучение, которое проводилось орденом, чтобы пополнить свои ряды новыми преподавателями. Таким образом, в первое пребывание Григория в Парижском университете не предполагалось получение им магистерской степени. Целью второго посещения было как раз получение научной степени [Courtenay, 1999. P. 77–92]. По этому вопросу немецкий историк Франц-Бернард Ликтайг пишет: «К пятнадцатому столетию большинство *studia generalia* служили практической цели: они были школами по подготовке преподавателей теологии. После успешного окончания лекционного курса по теологии новых лекторов отправляли преподавать в свои провинции» [Lickteig, 1981. P. 79].

⁵ De Meijer, 1976.

„Сентенций“, более славный и обстоятельный, чем другие, и потому заслуженно охотно к нему прислушиваются и был он для всех зеркалом как в традиции, так и в науке»⁶.

2. Известные манускрипты, а также ранние издания «Комментария на „Сентенции“ Петра Ломбардского» Григория из Римини представляют собой окончательный текст этого труда⁷. Комментарий на первую книгу был окончательно составлен в конце 1344 г. Данная датировка вытекает, во-первых, из указания самого Григория в конце первой книги: «Завершается комментарий на первую книгу „Сентенций“, отредактированный братом Григорием из Римини из ордена братьев-отшельников св. Августина, прочитан в Париже в 1344 г.»⁸. Как отмечает Виницио Марколино во «Введении» к первому тому критического издания сочинения Григория, указанная датировка комментария на «Сентенции» вытекает также из того факта, что «доминиканец Франциск из Тревизо (Franciscus de Trivisio), читавший свои лекции в Париже в то же самое время, что и Григорий, был определен руководством своего ордена сделать это в 1343–1344 академическом году»⁹. Последние исправления в комментарий на вторую книгу были внесены не позднее начала 1346 г.¹⁰. С этой датировкой согласуется также и упомянутое выше письмо Климента VI.

Среди изданий «Комментария» Григория из Римини, напечатанных в эпоху Ренессанса, особого внимания заслуживает венецианское, вышедшее в 1522 г. и подготовленное Августином Монтефалькским (OESA). Оно важно потому, что, во-первых, у Августина имелись в распоряжении части «Комментария», которые были записаны еще самим Григорием и, к сожалению, не сохранились до наших дней; во-вторых, именно в этом издании впервые появились так называемые «добавления» (*additiones*). Большинство *additiones* представляют собой те части комментария, которые, вероятнее всего, относятся к составленной в Италии, а также в 1342 г. (во время подготовки к препода-

⁶ Iordanus de Saxonia, OESA, 1943. P. 241.

⁷ Список и описание сохранившихся манускриптов первой книги представлены в [Marcolino, 1981. S. XXI–XLVI]; второй книги в [Schulze, 1981a. S. XII–XIX].

⁸ Explicit lectura Primi Sententiarum edita a fratre Gregorio de Arimino ordinis fratrum heremitarum sancti Augustini, qui legit Parisius anno domini MCCCXLIII. (*Gregorius Ariminensis*. I, d. 48, q. 1, P. 181). Все цитаты приводятся по изданию: [Gregorius Ariminensis, OESA, 1978–1987].

⁹ Marcolino, 1981. S. XII.

¹⁰ Ibid., 1981. S. XV–XVI.

вательской деятельности) версии «Комментария»¹¹. Позже эти фрагменты были значительно переработаны или вовсе удалены Григорием из последнего варианта сочинения¹². Однако Августин из Монтефалько полагал, что эти отрывки являются добавлениями к уже известным текстам. С тех пор эти удаленные из окончательного варианта «Комментария» пассажи издателями называются «добавлениями».

Наконец, стоит отметить тот факт, что свой «Комментарий» Григорий составлял в период серьезных волнений: сочинения Оккама были осуждены в 1339 и 1340 гг.¹³, в 1346 г. были осуждены некоторые положения учения Николая из Отрекура¹⁴, в 1347 г. — Иоанна из Морекура¹⁵.

Составляя комментарий только на первые две книги «Сентенций», посвященные Богу и творению, Григорий из Римини следовал уже установившейся в Парижском университете традиции не комментировать третью и четвертую книги, в которых речь ведется о Христе и таинствах¹⁶. По мнению П. Бермон, такой подход позволял сконцентрироваться больше на вопросах метафизики, нежели теологии¹⁷. Однако в то же время очевидно, что Григорий по крайней мере планировал составить комментарии к третьей и четвертой книгам «Сентенций», поскольку в тексте *Lectura* имеются на них указания¹⁸.

Выделяют три основных источника, которыми пользовался Григорий из Римини при составлении «Комментария»: 1) записи диспутов, которые посещал Григорий (изначально устный источник), 2) диалоги и комментарии на «Сентенции» современников Григория (письменный, но «современный» (*modernus*) источник), 3) традиционные «Комментарии» на «Сентенции» авторов прошлых лет (письменный, но

¹¹ Например, *Add. 54–56* второй книги ([Gregorius Ariminensis, OESA, 1980. S. 155–165, 170–173]) относятся к диспутам, имевшим место в 1342–1346 академические годы.

¹² Виницио Марколино предположил, что некоторые из коротких *additiones* могут на самом деле быть позднейшими вставками, сделанными после 1346 г. [Marcolino, 1981. S. XCV].

¹³ Описание полемики о точном содержании постановлений об осуждении некоторых положений учения У. Оккама представлено в статьях [Courtenay, 1991. P. 13–49; Kaluza, 1995a. P. 297–317].

¹⁴ Об осуждении положений учения Николая из Отрекура см. [Kaluza, 1995b] (основополагающая работа о биографии Николая из Отрекура и его философском наследии).

¹⁵ Об осуждении положений учения Иоанна из Морекура см. [Courtenay, 1972, 1973; 1996; Genest, Vignaux, 1988. P. 275–301].

¹⁶ Bermon, 2002. P. 274.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Указания на комментарий к третьей книге «Сентенций» — I, d. 3, q. 1, additio 9; I, d. 3, q. 3; I, d. 8, q. 3; II, d. 7, q. 3, additio 36. Указания на комментарий к четвертой книге «Сентенций» — I, d. 17, q. 4; II, d. 1, q. 2; II, d. 12, q. 1.

«древний» (*antiquus*) источник)¹⁹. Григорий из Римини называл «современными» (*moderni*) тех авторов, которые писали после 1320 г., т.е. после того момента, когда он в первый раз прибыл в Парижский университет. А таких авторов, как Генрих Гентский и Дунс Скот, он называл «старыми» (*antiqui*). Таким образом, для Григория определения *antiquus* и *modernus* имели сугубо хронологическое значение и не связывались с положительной или отрицательной оценкой.

Среди записей диспутов как источников «Комментария» особого внимания заслуживает так называемая антипелагианская полемика, поскольку Григорий из Римини был одним из главных оппонентов «современных пелагиан» (*pelagiani moderni*) в Париже²⁰.

Большую часть «Комментария» Григория составляют его полемические диалоги с трудами, написанными его современниками. Так, Григорий из Римини цитирует многих представителей английской теологической школы, которая зародилась в процессе активнейшего обсуждения новых идей, предложенных Петром Ауреоли и Уильямом Оккамом²¹: Уолтера Чаттона, Роберта Галифакса, Ричарда Килвингтона, Фому Букингема, а особенно часто Адама Вудхема и Ричарда Фитцрального. О том, насколько широко Григорий из Римини использовал идеи его английских коллег, может вполне свидетельствовать обсуждение им эпистемологического вопроса об «общем обозначаемом» (*complexe significabile*), в котором широко обсуждается «Второе чтение на „Первую книгу Сентенций“» Адама Вудхема²². Другими авторами, с которыми Григорий из Римини часто вступает в «диалог» письменной полемики, являются Иоанн из Лана²³, Михаил из Массы²⁴, Петр Ауреоли, Дуранд из Сен-Пурсена, Фома Страсбургский. Из «старых учителей» Григорий из Римини чаще других цитирует и полемизирует с Генрихом Гентским, Фомой Аквинским, Дунсом Скотом и Эгидием Римским²⁵.

¹⁹ Об употреблении терминов *antiquus* и *modernus* см. [Courtenay, 1986].

²⁰ В Англии в той же роли пребывал Фома Брэдвардин, написавший против них знаменитый труд «О Божественном причинении против Пелагия» (*De causa Dei contra Pelagium*) в 1344 г., т.е. в то же самое время, когда Григорий из Римини давал лекции по «Сентенциям» Петра Ломбардского в Парижском университете. Подробнее о Фоме Брэдвардине и его месте в антипелагианской полемике XIV столетия см. в [Leff, 1957; Genest, 1992].

²¹ Подробнее об английской школе теологии первой половины XIV в. см. [Tachau, 1988; Courtenay, 1987; Maier, 1966].

²² Adam Wodeham, 1990; Gal, 1977.

²³ Gutiérrez, 1943–1944.

²⁴ Courtenay, 1995.

²⁵ Bermon, 2002. P. 281–283.

В своих «диалогах» с современниками Григорий из Римини различными способами цитирует множество авторов. Во-первых, необходимо различать цитирование с указанием источника и простое переложение. Во-вторых, среди цитат «современных» авторов (*moderni*) следует выделять прямые и косвенные, когда цитируемый автор не упоминается.

Итак, «Комментарий» Григория из Римини представляет собой совокупность вопросов, многие из которых обсуждались в Парижском университете в 1320-х и 1340-х годах. Выделим основные из них. Во-первых, следует упомянуть вопросы, касающиеся определения Божественного всемогущества, в частности широко обсуждавшийся в первой половине XIV столетия вопрос, может ли Бог обманывать²⁶. Далее выделим обнаруживаемый в «Комментарии» трактат «Об усилении и ослаблении телесных форм» (“*De intensione et remissione formarum corporalium*” I Sent., d. 17, q. 2–4)²⁷. Другая группа вопросов связана с лингвистикой и эпистемологией (например, о значении «общего обозначаемого»)²⁸. Наконец, следует выделить группу вопросов о человеческой свободе, благодати и предопределении.

Текст «Комментария» предваряется прологом, который представляет собой самостоятельную часть «Комментария», никак не связанную с вопросами, обсуждаемыми в первой и второй книгах «Сентенций», и служащую своеобразным введением к обеим книгам²⁹.

Мысль Григория из Римини оказала сильное влияние на философов последующих поколений. Для исследователей совершенно очевидно, что с конца XIV в. существовала особая школа внутри ордена августинцев-еремитов, идейным вдохновителем которой был Григорий из Римини³⁰. Основными характеристиками этой школы является рецепция идей оккамистской школы в области эпистемологии и развитие антипелагианских идей самого Григория в сотериологии и теологии.

3. Рассмотрение вопроса о статусе теологического знания в философии Григория из Римини целесообразно предварить разъяснением некоторых общих эпистемологических положений его учения. Согласно Григорию, знание подразделяется на простое (*notitia simplex*) и составное (*notitia complexa*)³¹. Простое есть знание отдельных объектов, воспринимаемых чувством или разумом, составное — знание высказы-

²⁶ О месте этих вопросов в средневековой теологии см. [Genest, 1994].

²⁷ О влиянии натурфилософских идей Оккама на Григория см. [Maier, 1968].

²⁸ Об этом см. [Eckermann, 1978].

²⁹ Berman, 2002. P. 273.

³⁰ Trapp, 1956; Schulze, 1981b; McGrath, 2004. P. 87.

³¹ *Gregorius Ariminensis*. I, d. 3, q. 1, a. 1, 36 D.

ваний об отдельных объектах, постигнутых в процессе простого познания, т.е. основой составного познания является простое, поскольку те понятия, которые формируются в процессе простого познания, становятся элементами высказываний в составном. Иными словами, объектом простого познания является отдельная единичная вещь или ее образ, объектом составного познания — то, что обозначается высказыванием (*significatum totale*)³². Составное познание состоит из доказательств (*demonstratio*) и выводов, а потому именно оно является научным знанием. В свою очередь, доказательство является не просто ментальной конструкцией, но должно быть верифицируемо опытным путем — только в этом случае доказательство может быть истинным. Таким образом, опыт — это та точка, в которой сходятся простое и составное познания.

Согласно Григорию из Римини, основой теологии является авторитет Св. Писания³³, а потому к теологии принадлежат только те высказывания, которые содержатся или могут быть выведены из Библии³⁴. Это означает только, что выводы в теологии должны согласовываться с Писанием³⁵. Таким образом, утверждения теологии не основываются на опыте, и, следовательно, одно утверждение не более очевидно, чем другое³⁶. Все это говорит о том, что истины теологии познаются только верой³⁷. Такова общая характеристика теологии: она основывается на вере и согласуется со Св. Писанием. Переходя к детальному рассмотрению того, что представляет собой теология, Григорий из Римини выделяет два ее вида: во-первых, это хабитус³⁸, посредством которого нам понятен смысл Писания и благодаря которому мы можем делать выводы; во-вторых, как согласие верующего с заключениями, полученными при помощи этого хабитуса³⁹.

³² Tertia, quod significatum totale conclusionis est obiectum scientiae (*Gregorius Ariminensis*. Prol., q. 1, a. 1, 1 G).

³³ Ex hoc ulterius patet quod principia theologiae sic sumptae, quae scilicet per theologicos discursus acquiruntur, sunt ipsae sacri canonis veritates, quoniam ad ipsas stat ultimata resolutio totius discursus theologici et ex eis primo cunctae conclusiones theologiae deducuntur (*Ibid.*, a. 2, 3 C).

³⁴ Sequitur quod nullus discursus non procedens ex dictis sacrae scripturae vel ex his, quae deducuntur ex eis, est theologicus (*Ibid.*, 2 Q).

³⁵ *Ibid.*, 3 I.

³⁶ *Gregorius Ariminensis*. Prol., q. 1, a. 4, 7 B.

³⁷ Prima est quod ex discursu theologico non per se acquiritur scientia (*Ibid.*, a. 4, 6 Q).

³⁸ См. примеч. 2 к переводу.

³⁹ Uno modo pro habitu vel habitibus, quo vel quibus quis novit sensum sacre scripture et scit unum dictum eius per aliud exponere et probare, nec non alia, quae non secundum se formaliter continentur in ipsa, ex his, quae in ipsa continentur, deducere et inferre, et penes hunc modum potest accipi theologia etiam pro actu vel actibus predictorum

Важность различия двух видов теологии заключается в том, что они по-разному соотносятся с научным знанием и мнением. Теология как *хабитус* согласуется с научным знанием, поскольку они происходят от одного и того же качества (одной и той же способности — *хабитуса*)⁴⁰. Теология, принимаемая во втором значении (как согласие), не совместима с научным знанием, поскольку об одном и том же предмете одновременно не может быть и знания и веры⁴¹. Знание, как уже было изложено, начинается с существования познаваемого объекта, и потому оно обозначает осведомленность о том, что нечто существует. Вера, наоборот, имеет дело с тем, что непознаваемо, превосходит возможности понимания. Таким образом, знание и вера противоположны по самой своей природе, и смешивать их означает соединение знания и его отсутствия.

Итак, теология как *хабитус* совместима с научным знанием, но является ли она наукой или относится к сфере мнения? Ответ на этот вопрос Григорий из Римини формирует в качестве опровержения трех позиций о статусе теологии. Первое мнение представлено Петром Ауреоли, который утверждал, что истины теологии могут быть получены из нетеологических посылок⁴², и тогда, заключает Григорий из Римини, в теологии применяются вероятностные рассуждения (*propositiones probabiles*)⁴³. Однако, как было показано, теология всецело основывается на Писании, а потому в ней нет места вероятностным рассуждениям⁴⁴. Франциск из Марке, мнение которого опровергает Григорий из Римини, полагал, что теология является наукой в строгом смысле этого слова, поскольку в истины теологии не просто верят, но они также познаются и понимаются верующими, следовательно, вера предполагает знание, а для этого догматы веры должны быть самоочевидны⁴⁵. Ответ Григория из Римини заключается в том, что не все догматы являются самоочевидными, а потому они не могут составлять знания, в противном случае Откровение мог бы постичь неверующий. Если бы истины Писания можно было доказать, то вера не была бы

---

habituum. Alio modo potest accipi theologia pro assensu tam actuali quam habituali in animo fidelis acquisito per discursum theologicum de obiecto theologico (*Gregorius Ariminensis*. Prol., q. 2, a. 2, 8 L–M.).

⁴⁰ Ibid., 8 M, 8 N.

⁴¹ Ibid., 8 M, 8 P.

⁴² Petrus Aureoli. In 1 Sent., Prooem. Sect 1, a. 2.

⁴³ *Gregorius Ariminensis*. Prol., q. 1 a. 2, 2 K.

⁴⁴ Secundo conclusio probatur ex prima, quia, si propositiones probabiles essent principia in theologia, processus ex talibus ad conclusiones theologicas essent proprie theologici; sed oppositum huius est probatum; igitur etc. (Ibid., 2 P).

⁴⁵ Franciscus de Marchia. In 1 Sent., Prol., q. 3.

необходима для того, чтобы с ними согласиться⁴⁶. Кроме того, знание самоочевидного есть знание необходимое, а Божественное Откровение не является необходимым знанием, напротив, оно дано нам Богом, зависит от Него и должно постигаться верой, и простой верующий так же близок к истине, как самый эрудированный теолог⁴⁷. Третье мнение, которое опровергает Григорий, принадлежит Фоме Аквинскому, который полагал, что, несмотря на то что источником теологии является вера, в ней возможен процесс познания, как, например, оптика, которая предполагает начала геометрии⁴⁸, может тем не менее составлять отдельную науку⁴⁹. Для Григория из Римини ошибочность мнения Аквината заключается прежде всего в том, что знание выводов должно опираться на предшествующее составное знание (т.е. на знание высказываний об отдельных объектах, постигнутых в процессе простого познания), именно в этом случае принципы, которым дает начало это знание, могут конституировать науку⁵⁰. Кроме того, принципы теологии не могут быть нам известны, а потому она не является знанием⁵¹. Наконец, параллель Фомы относительно подчиненности в естественных науках (пример с перспективой) в теологии не имеет места: перспектива зависит от предшествующих принципов других наук⁵².

Выяснив, что теология, хоть и не является наукой в строгом смысле слова, все же совместима с научным знанием, необходимо установить, что составляет предмет науки и что — теологии. Во-первых, предмет — это то, что сообщает различным частям науки единство, т.е. различные научные высказывания в рамках единого предмета разделяют одни и те же исходные принципы и объединены одной и той же целью. Там, где нет предмета, высказывания оказываются разрозненными, нескоординированными⁵³. То же самое касается и теологии: есть корпус принципов и выводов, конституирующих теологию⁵⁴. Из этого единства, сообщаемого предметом, следует единство хабитусов

⁴⁶ *Gregorius Ariminensis*. Prol., q. 1, a. 4, 5 Q.

⁴⁷ *Ibid.*, 6 B–C, 6 I.

⁴⁸ У Фомы Аквинского речь идет о геометрической оптике.

⁴⁹ *Thomas Aquinatis*. *Summa Theologiae*. I, q. 1, a. 2.

⁵⁰ *Gregorius Ariminensis*. Prol., q. 1, a. 4, 6 L–M.

⁵¹ *Cum igitur principia theologiae non sint neque fuerint nobis nota, ut isti concedunt, theologia, quae acquiritur de communi lege in theologis, de qua etiam nunc est sermo, non est vere scientia* (*Ibid.*, 6 N.).

⁵² *Ibid.*, 6 Q.

⁵³ *Ibid.* Prol., q.3, a. 2, 14 L, 15 A.

⁵⁴ *Ibid.*, 15 C.

науки⁵⁵. Таким образом, у теологии и научного знания общее то, что они представляют определенные выводы или доказательства, объединенные предметом.

Предметом теологии в целом (и как хабитуса, и как согласия) является Бог, и истины теологии познаются в свете Божественных атрибутов (благости, всемогущества и т.д.) как первых истин⁵⁶. Однако Бог в теологии рассматривается не с позиции Божественного, но с точки зрения Его творений. Поэтому Бог является предметом теологии не в абсолютном смысле, но в ограниченном — как Творец⁵⁷. Соответственно цель теологии — прославление Бога, а не изучение Его как Божественного (*sub ratione deitatis*)⁵⁸. Теология призвана прежде всего зарожать и укреплять веру, а не давать знание.

Далее Григорий из Римини обращается к вопросу о статусе предмета теологии. В эпистемологии Григория предмет того или иного знания — это то, что является термином в высказывании, или то, что обозначает этот термин. Предмет должен быть познаваем сам по себе: он не может быть выведен из своих свойств, и, наоборот, его свойства не могут быть познаны на основании знания предмета. Как предмет, так и его свойства должны познаваться отдельно⁵⁹. Все это относится и к Богу как предмету теологии. Итак, Бог не может быть познан сам по себе и Он не может быть познан на основании своих свойств, следовательно, Он непознаваем. Таким образом, с одной стороны, Бог как Бог (сам по себе) непознаваем, с другой — Он непознаваем и на основании своих свойств и действий. В этом пункте своих рассуждений Григорий из Римини вступает в полемику с Дунсом Скотом⁶⁰, который полагал, что Бог как первый объект знания содержит в себе все возможное знание о своих свойствах, посредством которых мы можем познать Его абсолютно⁶¹. Эти крайне строгие ограничения формируют основу учения Григория о теологии: теология не может выходить за пределы истин Писания, и только те истины могут быть постигнуты, которые приняты на веру, т.е. сфера теологии — Откровение, и она укоренена в вере.

⁵⁵ Аквинат и Генрих Гентский, с которыми в данном вопросе полемику ведет Григорий из Римини, полагали, что имеется один хабитус для всех наук.

⁵⁶ *Prima est quod deus, in quantum deus, est subiectum primum theologiae nostrae (Gregorius Ariminensis. Prol., q. 4, a. 2, 17 B–C).*

⁵⁷ *Ibid., 17 F.*

⁵⁸ *Tertia, quod ratione talis contractionis congrue potest dici quod deus, in quantum glorificator vel glorificativus, est subiectum theologiae nostrae (Ibid., 17 C).*

⁵⁹ *Ibid., 15 I–J.*

⁶⁰ *Duns Scotus. Ordinatio, Prol., pars 3, q. 3; Reportata Parisiensis, Prol., q. 1, a. 2.*

⁶¹ *Gregorius Ariminensis. Prol., q. 4, a. 2, 16 G.*

Последний вопрос, поднимаемый Григорием из Римини в прологе, касается того, является ли теология знанием практическим или умо-зрительным (спекулятивным). Согласно Григорию из Римини, практическим можно назвать то знание, которое дает начало действиям, которые осуществляются людьми⁶². Оно не включает в себя осуществление деяния, но предполагает понимание возможностей и потому должно быть результатом составного знания⁶³. Наоборот, спекулятивным называется то знание, которое не направлено на осуществление действий. Практическое и спекулятивное знания отличаются друг от друга не предметом (тем, что познается), а объектом (выводы, делаемые из того, что познано). Следовательно, отличие практического знания от спекулятивного заключается в цели, на которую оно направлено⁶⁴. Истины теологии могут быть познаны как спекулятивно, так и практически, но поскольку целью теологии является прославление Бога, постольку теология является знанием практическим⁶⁵. Основным оппонентом Григория в этом вопросе снова является Дунс Скот. Хотя Скот также полагал, что теология является практическим знанием, он приходил к такому выводу на основании иных рассуждений, чем Григорий: исходя не из природы теологии, а из действий воли, которые направляют познание к практическому результату⁶⁶.

Итак, первое, что необходимо отметить в учении Григория из Римини о статусе теологии, — это полную независимость теологии от опыта и, следовательно, отказ теологии в статусе строгой науки. Истины теологии могут быть только приняты на веру, но не доказаны в строгом смысле этого слова, поскольку ее источник — это не объекты каждодневного опыта человека, а особая форма Божественного Откровения. Поэтому, согласно Григорию из Римини, в теологии излагается только то, что может быть выведено из Библии. В силу этой же причины Бог не рассматривается в теологии сам по себе (*sub ratione deitatis*), а как Творец. Поскольку же теология выводится из содержания Св. Писания, ее истины являются таковыми только для верующего. В силу

⁶² Ibid., Prol., q. 5, a. 2, 20 A.

⁶³ Ibid., 19 F–G.

⁶⁴ Ibid., a. 3, 21 F–G.

⁶⁵ Et pono hic duas conclusiones: prima est, loquendo de theologia secundum quod est unus habitus unius tantum veritatis theologiae, quod aliqua theologia est practica, aliqua est speculativa. Secunda, loquendo de theologia ut est unus habitus totalis omnes partiales de omnibus veritatibus theologicis comprehendens illa scilicet unitate, de qua supra quaestione tertia dictum est, theologia, inquam, sic sumpta est practica (Ibid., a. 4, 22 A–B).

⁶⁶ Ibid., a. 1, 18 I.

всего этого цель теологии — прославление Бога, а потому она является знанием практическим.

В заключение стоит отметить, что в своем понимании сущности и целей теологии Григорий был не одинок. Начиная с последней трети XIII столетия наметился пересмотр статуса теологии. Многие мыслители: Дунс Скот, Уильям Оккам, Фома Брадвардин и, наконец, Григорий из Римини — все они, хоть в разной степени и различными путями, не приписывали теологии статус научного знания, полагая, что ее задача состоит в сохранении и прояснении истин Писания, и утверждали, что теологическое знание имеет практический характер. Но все это было не просто пересмотром предмета теологии. Данная переориентация являлась следствием новых подходов в области эпистемологии и физики. Истины Откровения Божьего могут быть только приняты на веру, они не могут быть доказаны, поскольку Откровение имеет совершенно другую форму по сравнению с каждодневным опытом человека. Именно поэтому для Григория в теологии не может быть никаких иных умозаключений, кроме тех, которые можно сделать, основываясь на тексте Писания, нельзя познать Бога *sub ratione deitatis*, нельзя доказать истины Писания тому, кто в них не верит. Из этих же соображений Григорий приходит и к пониманию теологии как практического знания, ибо цель теологии — не доказательства Божественного бытия, но наставление людей и прославление Бога. Именно в артикуляции и логическом оформлении этого нового подхода и состоит значение и оригинальность Григория из Римини. Данная позиция в понимании теологии сближает позицию Григория с более поздними построениями Мартина Лютера, который мог почерпнуть некоторые богословские идеи у Григория из Римини, поскольку он принадлежал к ордену августинцев-еремитов и преподавал в университете Виттенберга, в котором в XV–XVI вв. были сильны позиции григорианской школы.